
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

**ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ КАРТИНА
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА.
ОЧЕРК О ВОЗМОЖНОМ И НЕОБХОДИМОМ В ПРАВОВОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ — В ПОДДЕРЖКУ МОНОГРАФИИ:
Н.С. БОНДАРЬ. СУДЕБНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ДОКТРИНА
И ПРАКТИКА. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 528 с.**

© 2018 г. Н. М. Добрынин

*Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН
Федерального исследовательского центра;
Институт государства и права Тюменского государственного университета*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Поступила в редакцию 06.06.2018 г.

Статья подготовлена в качестве отклика по прочтении вышедшего в свет в 2016 г. второго (переработанного) издания монографии судьи Конституционного Суда РФ, проф. Н.С. Бондаря “Судебный конституционализм: доктрина и практика”. Разделяя взгляды авторитетного коллеги, автор акцентирует внимание на ключевых вопросах политико-правовой модернизации Российского государства и о том, как такой модернизации способствует деятельность Конституционного Суда. Отмечается значимость формирования адекватной философско-мировоззренческой парадигмы российского конституционализма, развития конституционного правосознания и мировоззрения, обеспечения правовой стабилизации российского общества. Делается общий вывод о том, что представленная аудитории монография вносит выдающийся вклад в развитие научно-теоретических и прикладных основ российского конституционализма и представляет несомненную пользу для широкого круга заинтересованных читателей.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, конституционализм, судебный конституционализм, модернизация, правовое развитие, правосознание, глобализация, суверенитет, правоприменительная практика, интерпретация.

DOI: 10.31857/S013207690001512-5

Пролог: К вопросу о сущности российского конституционализма и высокой полезности научной дискуссии

Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., в общемировых масштабах конституционного строительства относится к числу сравнительно “молодых” конституций. В то же время не будет преувеличением сказать, что за прошедший без малого четвертьвековой период своего существования российская Конституция “пережила” колоссально сложный период первичной апробации.

Конституция России на современном этапе, достойно выполняя свою миссию и, что

немаловажно, оставаясь в своем практически первозданном виде, является надежным правовым, идеологическим, политическим фундаментом нашего государства и тем самым создает благоприятные условия для органичного формирования, творческого созидания и эволюционного, поступательного развития в обществе процессов и явлений, которые в юридической науке охватываются категорией *конституционализм*.

Вместе с тем почти 25 лет “жизни”, преодоленные Конституцией страны, безусловно, стали периодом накопления также и критической массы признаков, условий и факторов,

которые неизбежно сопровождают действие Конституции, ее реализацию, будучи порождены как самой Конституцией, так и возникнув вопреки ей. Получая свое воплощение в жизни российского общества и государства, соответствующие условия и факторы в их совокупности диалектически подводят Основной Закон страны, а за ним и, собственно, страну, весь многонациональный российский народ к рубежу, барьеру, преодоление которого связано либо с коренным преобразованием, либо же если не с сущностным изменением, то с отысканием и раскрытием принципиально новых качеств правовой реальности, которые соответствуют предлагаемым эпохой вызовам. В этой связи вопрос оптимального выбора Россией дальнейшего курса конституционного развития не только (а может быть, и не столько) набирает актуальность в научных и политических кругах: он отнюдь не безосновательно становится значимым уже и с экзистенциальной точки зрения. Данная тенденция вкупе с некоторыми иными факторами как нельзя лучше характеризует сущность и “*остроту момента*” в состоянии российского конституционализма на современном этапе.

Раскрытию сущности российского конституционализма с точки зрения общих представлений о данной философско-правовой категории и с позиции соответствующих тенденций — в контексте роли и значения института конституционного правосудия — посвящена крайне глубокая и насыщенная по содержанию книга проф. Н.С. Бондаря “Судебный конституционализм: доктрина и практика”, вышедшая в свет в 2016 г. в качестве уже второго, переработанного издания и ставшая органичным дополнением серии фундаментальных работ, образующих учрежденную Н.С. Бондарем “Библиотеку судебного конституционализма”.

Книга закономерно получилась глубокой и весьма насыщенной, разноплановой и в то же время целостной по содержанию, что вполне объяснимо. Н.С. Бондарь — талантливый ученый и, без преувеличения, один из патриархов современной российской конституционно-правовой науки. На протяжении многих лет он успешно сочетает свою научную деятельность с работой в качестве судьи Конституционного Суда РФ, а значит, представленный взыскательной аудитории труд в этом смысле эксклюзивен, поскольку в нем из первых уст излагаются насущнейшие вопросы,

касающиеся как ключевых доктринальных подходов, так и важнейших практических аспектов, определяющих роль конституционного правосудия в правовой модернизации современной России. Всё вышесказанное, безусловно, имеет место быть и в значительной мере *apriori* предопределяет высочайшее качество не только обсуждаемой здесь книги, но и других работ указанного автора. Но всё же главным мерилom (и в то же время объяснением, *почему?* названная выше работа проф. Н.С. Бондаря обладает, по нашему убеждению, столь исключительными качествами) выступает тот факт, что каждая глава, каждый параграф и каждая строка в этой книге проникнуты столь глубоким сопереживанием автора судьбам родной страны, насыщены столь искренним патриотизмом и стремлением сделать юридический уклад современной России лучше, не уловить которые, не воспринять и не разделить мог бы, пожалуй, лишь совершенно безразличный к окружающей жизни и чрезвычайно черствый читатель.

Вот почему вышеназванная работа проф. Н.С. Бондаря в самом начале 2018 г. совершенно заслуженно удостоилась главной награды в рамках второй церемонии присуждения Национальной премии по литературе в области права¹.

Именно потому мы убеждены, что в монографии проф. Н.С. Бондаря, побуждающей каждого задуматься о судьбах страны, заинтересованный читатель обязательно найдет для себя много нового и полезного, включая и ответы на самые непростые вопросы онтологии права.

Представляя взыскательной аудитории настоящий отклик по прочтении книги проф. Н.С. Бондаря, считаем необходимым сделать акцент на нескольких ключевых аспектах модернизации современного российского конституционализма в динамике его непрерывного развития, которые излагаются ниже, в том числе с опорой на взгляды и суждения, сформулированные нашим коллегой.

Философская парадигма современного российского конституционализма: некоторые размышления о понятиях и ценностях

Общеизвестно, что в современной науке понятие “конституционализм” принято воспринимать в трех основных значениях. Так, в сугубо теоретическом ключе конституциона-

¹ Подробнее об этом см.: URL: <http://www.litpravo.net/kopiya-laureaty> (дата обращения: 01.06.2018).

лизм представляет собой систему политико-правовых знаний, доктрину, которая, основываясь на идеях и ценностях демократии, предполагает ограничение государственной публичной власти правом, притом что основная роль в регулировании общественно-государственных отношений в рассматриваемом аспекте отведена конституции — нормативному правовому акту высшей юридической силы, в котором сбалансированы и в абстрактной, концентрированной форме закреплены права, интересы и взаимные обязанности общества, составляющих его индивидов и государства.

В своем практическом преломлении конституционализм представляется как сложившийся в определенном государстве политико-правовой режим ограничения публичной власти конституцией на основе соответствующих идей и ценностей, а также институтов и отношений, в целом характеризующихся как конституционное правление.

Третье, можно сказать, объединяющее первые два, значение рассматриваемого понятия сводится к тому, что конституционализм есть сложная общественно-политическая и государственно-правовая категория, в основе которой лежат исторически сложившиеся идеалы конституционной демократии (т.е. демократии, базирующейся на конституции как особом документе государства и общества), институты властвования и политический режим, соответствующие конституции, а также не только действующая, но и действенная система защиты конституции и конституционного строя, закрепленных в конституции демократических ценностей, прав и свобод человека и гражданина.

Профессор Н.С. Бондарь, обращаясь к вопросу о сложившихся в современной российской науке подходах к пониманию феномена конституционализма, весьма точно характеризует имеющуюся научно-теоретическую картину данного явления: «При всем многообразии подходов к определению понятия “конституционализм” очевидно, что его основополагающие характеристики — как с точки зрения генезиса, происхождения и исторического развития данного явления, так и в гносеологическом плане — связаны в конечном счете с понятием конституции как основного закона общества и государства» (с. 24).

Однако ценность данного суждения отнюдь не в его констатационном характере и не в том,

что оно созвучно с большинством уже сформулированных в отечественной правовой науке подходов к пониманию феномена конституционализма, а в том, что оно служит основой для авторского критического осмысления сложившейся научно-теоретической картины, результаты которого, в свою очередь, открывают и простор для более глубокого познания сущности конституционализма не только и не столько в его абстрактном представлении (как философско-правовой категории), а в реальном выражении как существующего комплекса разнообразных и обширных общественных практик.

В частности, Н.С. Бондарь совершенно справедливо отмечает, что «традиционный для научной литературы подход к конституционализму как исключительно юридической, политико-правовой проблеме явно недостаточен. Перефразируя известное выражение, можно отметить, что *конституционализм — слишком сложное понятие, чтобы отдавать его на откуп одним юристам*. <...> Категория “конституционализм” настолько многогранна и универсальна, что способна охватывать своим содержанием явления как собственно правовые, так и неюридические (в том числе пред- и постюридические), равно как и метаюридические феномены социального, экономического, политического, культурного характера в той мере, в какой они выступают социокультурной предпосылкой формирования конституционализма и одновременно средой его существования и развития, влияя на его конкретно-историческое содержание» (с. 25).

На наш взгляд, с представленным авторским подходом невозможно не согласиться по целому ряду причин.

Прежде всего обратим внимание на то, что взаимосвязь конституционализма как явления с установленным Основным Законом страны конституционным порядком практически не вызывает сомнений: если исходить из того, что конституционный порядок представляет собой совокупность ценностно проникнутых идей и воззрений, лежащих в основе правопорядка в целом, то конституционализм, по сути, эмпирически представляет собой (до определенной степени) тождество с правопорядком конституционного государства.

Академик О.Е. Кутафин в этой связи отмечал: “Для того чтобы государство в полной мере подчинялось праву, нужны соответствующие гарантии. В своей совокупности они

обеспечивают такую форму, такой способ организации государства, который может быть назван конституционным строем. <...> Следовательно, *конституционный строй — это форма (или способ) организации государства, которая обеспечивает подчинение его праву и характеризует его как конституционное государство*”².

Именно конституцией устанавливается система конституционно-правовых институтов, наличие и степень действенности которых в реальной жизни общества свидетельствуют о существовании правового, социального, демократического и в конечном счете конституционного государства, а значит, и конституционализма.

Соответственно, необходимо согласиться с проф. Н.С. Бондарем также в том, что «господствующие в общественном сознании оценки конституции, уровень конституционной культуры в обществе и государстве, действенность идей конституционализма определяются в своей основе не самим по себе фактом наличия или отсутствия в государстве юридической конституции (основного закона) и даже не ее “возрастом” — есть значительно более важные, глубинные — социокультурные — истоки конституционализма» (с. 44).

Схожие взгляды выражены и многими другими известными учеными-современниками. Например, как полагал акад. Б.Н. Топорнин, “правовая система может существовать без конституции, а конституция без правовой системы — немыслимое явление”³.

По мнению проф. И.А. Кравца, наличие самой конституции предопределяет реальное существование конституционализма во многом, но не во всем: “Хотя конституционализм основывается на конституции, самой конституции как правового акта, по всей вероятности, еще недостаточно, чтобы конституционализм стал фактом действительности”⁴.

Профессор С.А. Егоров, к примеру, указывает, что «в стране может наличествовать конституция, но может и не быть конституционализма, поскольку последний — это “со-

вокупность таких социально-экономических, политических, правовых, психологических, этических, культурно-исторических и иных условий, при которых конституция функционирует как достаточно эффективный ограничитель государственной власти”. Там, где конституционализм является определяющей чертой политического режима, конституция первична — она как бы “предшествует” государственной власти, а лица, которые находятся у власти, связаны ее положениями как нормами верховного права»⁵.

Следовательно, конституционализм (особенно, если принять во внимание опыт Великобритании и ряда других развитых государств, где отсутствует писаная конституция в виде единого документа с соответствующим названием) может существовать без конституции, но конституция без конституционализма лишена всякого смысла.

Представляется очевидным, что действительное наличие конституции не определяет само по себе сути конституционализма и его качественного уровня. Если в нашей стране по-прежнему спустя четверть века после принятия действующей Конституции определенные ее положения так и остаются нереализованными, то главные причины подобного положения дел следует искать вовсе не в тексте Основного Закона государства.

Сегодня главная задача, вне всякого сомнения, состоит в том, чтобы глубоко и продуманно с учетом исторической судьбы и культурно-цивилизационных особенностей российского общества всесторонне развить базовые ценности Конституции, которые являются фундаментом общественного согласия и солидарности (принцип приоритета прав человека, принцип разделения властей, равенство всех перед законом и судом и т.д.).

Посему тем, кто активно отстаивает позицию о необходимости переписать Конституцию и применить так называемый принцип *tabula rasa*, следует вначале тщательно подумать о полноценной реализации ее правового потенциала, который, как справедливо отмечает проф. В.Д. Зорькин, “во многом зависит от того, насколько верно будет определен баланс между стабилизирующей и обновленческой функциями Конституции. В конечном счете это вопрос о разумных и эффективных пределах, формах и способах

² Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 95.

³ Топорнин Б.Н. Конституционная реформа — путь к правовому государству // Сов. государство и право. 1990. № 4. С. 4.

⁴ Кравец И.А. Конституционализм: устойчивость власти и общественного развития. Новосибирск, 1994. С. 9, 10.

⁵ Егоров С.А. Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. М., 1993. С. 9, 10.

адаптации высоких образцов современного конституционализма к очень сложным реалиям нашей российской жизни”⁶.

Важно обратить внимание на то, что ст. 2 Конституции РФ содержит ключевое суждение о правовых ценностях современной России: имеющими высшую категорию ценностями признаны человек, его права и свободы. В этой норме, таким образом, закрепляется главнейший аксиологический *стержень* действующего Основного Закона страны; но в указанной норме содержится и интуитивно ощущаемый призыв к каждому — призыв об интерпретации с подобных позиций всех без исключения правовых явлений общественной жизни, что, безусловно, придает и соответствующий аксиологически насыщенный фон российскому праву в целом.

Основная характеристика конституционализма с учетом современного этапа развития человеческой цивилизации, таким образом, заключается в том, чтобы высший закон страны наиболее полно отражал систему фундаментальных ценностей гражданского общества и на практике гарантировал их устойчивость, надежную правовую защиту и воспроизводство. В то же время очевидно, что конституция любого современного государства должна воплощать эту ценностную систему с учетом объективных особенностей конкретного исторического этапа в развитии общества, являться результатом общественного согласия вокруг основополагающих аксиологических ориентиров социального поведения как государства, так и личности.

По нашему убеждению, *конституционализм* — это не утопическое восприятие некоторых идей, обуславливающих необходимость конституционного регулирования общественных отношений; *конституционализм* логичнее трактовать и как проявление определенной конституционной культуры, адекватной осмыслению бытия данного социума, и как системное и осознанное наличие в реальной общественной жизни конституционных ценностей, на которых базируется вся правовая система государства.

⁶ Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации) // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14-15 ноября 2013 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2014. С. 6—8.

Главное, что следует здесь учитывать, состоит в том, что конституционные ценности провозглашаются как имеющие высшую степень общественной важности. Однако согласимся, за этой важной стадией провозглашения и закрепления конституционных ценностей наступает не менее значимая: конституционные идеи должны быть воплощены в жизнь, в практику общественного и государственного строительства. При этом необходимо иметь в виду, что обычно конституция закрепляет минимум, а остальное — удел практики, в том числе и практики нормативно-правового регулирования, и опыта конституционной герменевтики. Иными словами, далее наступает стадия, когда происходит своего рода “*состязание*” конституционных идей, конкуренция подходов в интерпретации и в конкретных социо-нормативных способах их воплощения на подконституционном уровне нормотворчества⁷.

Но, безусловно, справедливо здесь и то, что, как пишет проф. Н.С. Бондарь, “вне зависимости от тех или иных подходов все мы знаем, что означают отсутствие в обществе и государстве конституционализма и, соответственно, конституционной законности, конституционного правопорядка, неисполнение конституции. И это не случайно: слишком высок в понятии конституционализма удельный вес того, что проявляется не столько на уровне юридических знаний, сколько на уровне веры, убеждений, обычаев, традиций, нравственных и этических представлений о справедливости и правде” (с. 25).

Полагаем, что в таком отношении совершенно оправданным выглядит то обстоятельство, что комплексная сущностная оценка феноменологических характеристик конституционализма — в любой стране и в любой исторический промежуток времени — не может состояться в отрыве от вопроса о нравственных основаниях права, о правовой культуре общества и бытующем в нем массовом правосознании.

Посему считаем крайне важным раскрыть соответствующие аспекты в рамках настоящего очерка.

Нравственные основания права: фундаментальный посыл преодоления правового нигилизма и правового идеализма в современной России

Совершенно не лишним, обращаясь к вопросу о нравственных основаниях права,

⁷ См.: Авакьян С.А. Конституционализм и бюрократизация публичной власти // Вестник МГУ. Сер. 11 “Право”. 2014. № 1. С. 62.

если рассматривать именно их в качестве исходного и главнейшего посыла укрепления и модернизации современного российского конституционализма, будет упомянуть, что вывод именно о такой роли нравственно-этических регуляторов в правовом развитии народов и государств в том или ином виде уже обосновывался многими известными представителями философско-правовой мысли.

Однако следует признать: сегодня ни для кого не секрет, что человечество в целом сталкивается с серьезнейшей проблемой ослабления роли социальных регуляторов; мораль, отражением которой выступает общественная нравственность, подпадает под еще большее негативное влияние, чем право; когда основания социальной солидарности оказываются под сомнением в силу признания личности, ее индивидуальности и уникальности высшей ценностью, человеческое эго, к сожалению, шаг за шагом подавляет тысячелетиями формировавшиеся этические императивы.

Давайте согласимся: не замечать указанной проблемы означает, ни больше, ни меньше, движение по пути социальной дезинтеграции, с которой даже право со временем будет уже не в состоянии справиться; нравственный, морально-этический регресс общества, конечно же, есть прямая угроза любому правопорядку.

Профессор Г.В. Мальцев в одной из своих последних работ с полным основанием отмечал, что «правовые элементы гораздо лучше, чем моральные, работают в механизмах социального контроля, так же как и “калькулирования” жизненных успехов. Моральные обязательства считаются сегодня менее надежными, чем юридические обязанности, необходимость исполнения которых гарантируется правом, законом и судом...», однако истинные “цели социального регулирования могут быть достигнуты лишь при скоординированном развитии систем моральных и правовых норм в едином направлении, которое определяется ценностями общества. Странно, что эту очевидную закономерность... не замечают многие современные политические деятели и законодатели, полагающие, что ослабление моральных регуляторов не такая уж большая беда... Без морально-ценностной поддержки либо объективно действующий против морали за-

кон ничего не исправляет, сам становится деструктивным фактором в обществе”⁸.

Обнаруживаем, обращаясь к более ранним философским источникам, что, например, А.Н. Радищев еще в XVIII в. писал: “Чем народ имеет нравы непорочнее, простее, совершеннее, тем меньше он нужды имеет в законах. Но чем больше они повреждены и удаляются простоты, тем большую нужду имеет он в законах для восстановления рушившегося порядка”⁹.

Или, например, видный русский философ-правовед И.А. Ильин в середине прошлого века совершенно справедливо писал: «Право¹⁰ только “проявляется” во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности..., именно человеческая душа остается той средой, в которой зарождается, зреет, протекает и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого»¹¹.

Представляется необходимым в свете изложенного решительно поддержать подходы к обозначенной выше проблеме, сформулированные в обсуждаемой здесь книге проф. Н.С. Бондаря.

В частности, совершенно оправданно автор отмечает: “Нельзя не учитывать, что конституционные ценности (как и смежные категории, включая принципы, аксиомы и презумпции) выступают не только, а во многих случаях не столько конституционно-правовыми категориями, сколько *категориями морали, нравственности, цивилизационных, общедемократических требований* (курсив мой. — Н.Д.). <...> Как метаюридическая форма выражения нравственных, социокультурных начал соответствующие категории, имея наиболее абстрактное содержание, наполнены вместе с тем повышенным уровнем концентрации нормативной (конституционно значимой) энергии, ориентированной на законодателя и

⁸ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. 2-е изд. М., 2009. С. 88, 89.

⁹ Радищев А.Н. Избр. философские и общественно-политические произв. М., 1952. С. 548.

¹⁰ В контексте рассуждений И.А. Ильина термином “право” естественно охватываются и конституционные нормы, в том числе в их идейно-ценностном восприятии.

¹¹ Ильин И.А. О сущности правосознания / подготовка текста и вступит. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 211.

правоприменителя, включая все отрасли законодательства и все сферы правоприменения” (с. 179).

Полагаем чрезвычайно важным в контексте приведенного выше суждения подчеркнуть также то обстоятельство, что семантическое наполнение объективированных в Основном Законе страны морально-нравственных категорий во многом зависит от степени сформированности в обществе соответствующей картины мира, обретения ею качества целостного, внутренне непротиворечивого конституционного мировоззрения.

Подобное утверждение, в свою очередь, неизбежно выводит нас на более широкую проблематику: *различные аспекты формирования и развития массового правосознания, роста правовой культуры в стране, преодоления прочно укоренившихся традиций правового нигилизма и правового идеализма.*

Рассматриваемая работа проф. Н.С. Бондаря, вне сомнения, служит источником глубоких идей, весьма рациональных предложений и дает богатую пищу для дальнейших размышлений и научных изысканий. В книге, в частности, оценке роли и качеств конституционного мировоззрения как неотъемлемого элемента системы конституционализма посвящен самостоятельный подпараграф (с. 60–69), не говоря уже о том, что логика, соответствующая выводам, сделанным в этой части монографии, рефреном воспроизводится в ходе всего последующего исследования.

Считаем, что в числе наиболее ценных авторских суждений следует отметить понятие конституционного мировоззрения, которое предлагается проф. Н.С. Бондарем: “Конституционное мировоззрение представляет собой систему принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих отношение личности, социальных групп, общества в целом к государственно-правовой действительности, их понимание конституционных начал демократической организации общества и государства, правовых механизмов обеспечения свободы личности, равно как и формирование у соответствующих субъектов конституционных установок и представлений по поводу перспектив социально-правового развития в соответствии с ценностями современного конституционализма” (с. 61).

На наш взгляд, совершенно точным образом характеризуется автором и *нерасторжи-*

мая связь конституционного мировоззрения и конституционного правосознания: “При всем многообразии критериев и факторов оценки достигнутого уровня зрелости системы конституционализма, пожалуй, одним из универсальных является показатель достигнутого в обществе и государстве уровня конституционного правосознания и конституционного мировоззрения. <...> Конституционное правосознание ориентирует личность, социальные группы и общество в целом на поведение на основе оценки реальной конституционно-правовой действительности, включая систему конституционно-правовых норм, нравственно-этических и правовых ценностей, составляющих нормативную базу современного конституционализма” (с. 63).

Обращаем внимание взыскательного читателя на резюмирующий вывод проф. Н.С. Бондаря: “Конституционное сознание и конституционное мировоззрение, являясь самостоятельными составляющими конституционализма, пронизывают все его компоненты. Это касается и отражения правовой действительности, базовых ценностей, и формирования нормативной правовой основы общества и государства, и процесса претворения в жизнь конституционных и иных правовых предписаний. Более того, сама по себе эффективность Основного Закона, действенность системы конституционализма во многом определяются состоянием конституционной культуры в обществе и государстве, уровнем развития конституционного мировоззрения (курсив мой. — Н.Д.)” (с. 64).

С такими суждениями сложно не согласиться (да и найдутся ли обоснованные аргументы полемизировать?), ведь в современной России, по весьма верному наблюдению проф. Н.И. Матузова, и правовой нигилизм, и правовой идеализм, “казалось бы, разновекторные и несовместимые [явления], мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину юридического бескультурья”¹².

Не приходится сомневаться, к сожалению, что во многом негативное отношение россиян к правовым установкам власти является исторически обусловленным; правовой нигилизм

¹² Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Общая теория государства и права. Теория права. Академ. курс в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 1998. С. 400 и след.

формировался параллельно с политико-правовой системой в России на протяжении веков как реакция на несправедливость социально-политического устройства; потому он, видимо, вполне может считаться одной из национальных особенностей. В то же время, несмотря на указанное обстоятельство, следует учитывать и то, что правовой нигилизм стал свойством национального характера, преимущественно как следствие нашего перманентного “*искания правды*”, которое преобладает в российском народном сознании.

Однако ретроспективный взгляд показывает, что помимо различных форм правового нигилизма Россия всегда демонстрировала удивительные примеры правового идеализма, притом реализованные на практике.

В России правовой нигилизм процветает прежде всего на уровне правореализации, “а в этом случае самые мудрые и совершенные законы лишаются смысла”¹³. Еще больший правовой нигилизм порождают законы, которые невозможно исполнить. В одних случаях потому, что отсутствуют необходимые механизмы их претворения в жизнь, в других — из-за того, что вокруг простирается абнормальная среда их функционирования.

Профессор Н.С. Бондарь в контексте анализа проблем современного российского конституционализма совершенно справедливо отмечает: “В настоящее время наблюдается существенная неравномерность (асинхронность) между философским, концептуальным осмыслением конституции и системы конституционализма в целом, с одной стороны, и государственно-властной правореализационной деятельностью — с другой. Наука здесь зачастую оказывается не востребованной практикой, что в конечном счете приводит к философско-мировоззренческой эклектике, но не на уровне конституционных форм закрепления ценностных начал нашего развития, а при осуществлении законодательной, исполнительной, судебной власти. Уже поэтому необходимо понимание того, что философия современного российского конституционализма — это не некая спекулятивная метафизическая юриспруденция, а мировоззренческая основа соединения теории и практики развития общества и государства на основе верховенства пра-

ва и в соответствии с ценностями конституционализма...” (с. 359, 360).

Следует откровенно признать, что в России по-прежнему явно процветает нравственный, политический и правовой нигилизм; общественные отношения находятся в состоянии крайней неустойчивости, и законы, принятые за четверть века в огромном количестве, бессильны их упорядочить, стабилизировать, направить в требуемое русло; реалии повседневной жизни граждан и общества подтверждают, что право (что бы официально ни заявлялось) не справляется со своими регулятивными и охранительными функциями.

Известный философ-правовед И.А. Ильин писал: “...честным, законопослушным можно быть только по личной убежденности, в силу личного решения. Без этого нет правосознания и лояльности, и гражданин становится не опорой, а брешью в правопорядке”¹⁴. Именно поэтому следует различать законопослушание и законоуважение. Законопослушание основано в основном на страхе, принуждении, в то время как законоуважение — на глубоком осознании необходимости следовать закону и праву. Это является добровольной позицией индивида, соблюдение им закона “не на страх, а на совесть”¹⁵.

Применительно к современной ситуации в России мы со всей очевидностью утверждаем, что главная причина неуважительного отношения к закону — *системный кризис общества*.

Полагаем, с нами многие согласятся, что *дефицит политических прав, неверие в реальную значимость закона и бессилие права, скоростное правотворчество, коррупция, слабая правореализация, бюрократия, криминогенная действительность, политическая напряженность, науперизм, экономические неурядицы, неравенство перед законом и судом, социальная несправедливость, традиционное разгильдяйство, неприученность к порядку и дисциплине, некомпетентность и неэффективность власти, утрата к ней доверия и многое другое — всё это не только не способствует преодолению правового нигилизма, но и на постоянной “жизнеспособной” основе воспроизводит, преумножает его*.

Профессор В.Д. Зорькин сложившуюся социальную картину весьма рельефно характеризует, когда отмечает, что «проблема определения главной линии российского социокультурного раскола еще ждет своих исследовате-

¹³ Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2086.

¹⁴ Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992. С. 182.

¹⁵ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 247.

лей. <...> Однако уже сейчас очевидно, что предпосылки такого раскола лежат и в сфере законодательства, и в “грехах” правоприменения, в неравенстве перед законом и судом и вопиющем социальном неравенстве...»¹⁶. Ученый называет и ряд других причин, которые кроются в культурной, экономической, социальной сферах российского общества.

Считаем, следует обратить особое внимание на то, что среди всех этих причин в качестве одного из важнейших факторов растущего социокультурного раскола уважаемый профессор В.Д. Зорькин выделяет *«именно нарастающий конфликт между лежащими в основе права моральными нормами, массово укорененными в обществе, и тенденциями пропагандируемых и наблюдаемых изменений российской реальности»* (курсив мой. — Н.Д.)¹⁷.

Безусловно, описанная выше ситуация раскола крайне губительна для российского конституционализма, поскольку она разрушает сразу и почву, и средства, и условия для “возделывания” всего того, что его составляет, укрепляет и развивает; единство общества — это залог полноценного существования государства.

Таким образом, целенаправленная задача купировать губительное влияние центробежных сил и процессов, разрушающих российское общество, восстановить, установить и всемерно укрепить его целостность со всей очевидностью приобретает конституционное значение. Достижение архисложной цели может быть достигнуто лишь на фундаментальном уровне.

Представляется, что страна остро нуждается не только в социально-экономической и политической стабильности, но и в стабильности правовой сферы; более того, правовая стабилизация, последовательное соблюдение порядка и законности могут в немалой степени способствовать упрочнению положения дел во всех других областях, ибо *правовая дисциплина лежит в основе общегосударственного порядка*.

На наш взгляд, особую значимость приобретает проблематика стабильности конституционных ценностей, прежде всего в контексте современных процессов глобализации; самостоятельный интерес в плане научно-теоретической и философско-мировоззрен-

ческой оценки вызывают и периодически обнародуемые конституционно-ревизионистские предложения и концепции.

Подчеркнем, что вышеуказанные аспекты весьма подробно и точно охарактеризованы в исследуемой здесь работе проф. Н.С. Бондаря, посему полагаем важным и обязательным остановиться на их характеристике более обстоятельно.

К вопросу о стабильности конституционных ценностей и правопорядка в контексте современных процессов глобализации

Думается, что, обсуждая проблематику столь требуемой для России правовой стабилизации, нельзя не обратиться к вопросу о том, насколько такая стабильность может быть обеспечена на базе Основного Закона страны, в том числе каковы ее объективно заданные пределы и риски в контексте имеющих место внутренних и внешних воздействий всеобщей (глобальной, планетарной) этиологии.

Казалось бы, многое в круге задач политико-правовой модернизации в государстве ясно: есть Конституция страны — она и является отправным моментом и фундаментом всего правового порядка современной России. Но это — лишь на первый взгляд: Конституция, каким и должно быть Основному Закону государства, — документ всеобъемлющий, стержневой для всей системы российского права, а потому и не предполагающий детального регулирования каждой из затрагиваемых ею сфер общественной жизни.

В таком неявном “противоречии” конституционных ценностей с наличной правовой реальностью и кроется причина столь частых призывов переписать Конституцию России, начать всё с *чистого листа*, реализовать идею *tabula rasa*. Те, кто опрометчиво вносит подобные предложения, руководствуются тем, что онтологическая дистанция между *записанным* в Конституции страны и правовой реальностью говорит о том, что именно Конституция России *из рук вон* плоха.

Следует признать, что правовая реальность в ее многочисленных деталях, хорошем и плохом, достоинствах и изъянах формируется не только Конституцией, но и законами, подзаконными нормативными актами.

Давайте зададимся закономерным вопросом: насколько все наши современные законы

¹⁶ Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 13.

¹⁷ Там же. С. 14.

и подзаконные акты хороши? Насколько они проникнуты идеями приверженности конституционным ценностям? Сколько из них могут считаться правовыми?

Действительно, сегодня, будучи проникнуты идеей прагматизма права, мы настолько отдалились от его истоков, от его философии, что почти позабыли о том, что нет ничего практичнее хорошей теории; гораздо проще сказать, что российская Конституция плоха, совершенно не задумываясь о том, что Основной Закон страны всё дальше и дальше от заложенных в нем идеалов, возможно, именно потому, что у нас, к сожалению, низкое качество законов и подзаконных актов, и потому, что они не подкреплены в достаточной степени стройной, внутренне непротиворечивой и, если уместно так выразиться, изящной юридической теорией, прежде всего конституционно-правовой теорией, теорией современного российского конституционализма.

В то же время совершенно прав проф. Н.С. Бондарь, когда он, характеризуя параметры ситуации, сложившейся в обозначенном выше срезе важнейших проблем модернизации российского конституционализма, отмечает не только закономерность существования в условиях демократии множества подходов к вопросу о возможной и допустимой корректировке текста Основного Закона страны, но и подчас их полярный характер: «Вполне естественно, что в условиях политического и идеологического плюрализма проблемы конституционного будущего России, имеющие, естественно, не только формально-юридическое значение, могут оцениваться по-разному. Очевидно, что в данном случае речь идет об оценке действующей Конституции РФ на предмет ее соответствия сегодняшним условиям социально-экономического, политического развития общества, задачам модернизации» (с. 346).

Профессор Н.С. Бондарь, формулируя авторское мнение по обозначенной проблеме, пишет: «В том, что с экономическим, политическим развитием, изменением социальной действительности неизбежно меняется соотношение юридической и фактической конституции, нет сомнений. В этом смысле “отставание” ранее выработанного текста Основного Закона от реальных условий динамично развивающегося общества и государства вполне естественно. Уже по этой причине сам по себе текст конституции никогда и ни в од-

ном государстве, включая те, где действуют так называемые жесткие конституции, не рассматривался и не может рассматриваться с позиций неприкасаемости, недопустимости внесения изменений. Другое дело, что соответствующие изменения, поправки — и это тоже общая, универсальная характеристика современного конституционализма — должны соотноситься с требованиями стабильности конституции, нерушимости ее основополагающих начал» (с. 347).

Актуальность изложенного выше тезиса видится нам бесспорной, так же как и то, что, вне всякого сомнения, значимость сформулированного автором монографии суждениякратно возрастает в свете существующих внутренних и внешних рисков конституционной модернизации страны.

Профессор Н.С. Бондарь не случайно поэтому подчеркивает: «При всей важности научных дискуссий и многообразия мнений по поводу конституционного развития России нельзя не признать, что в плане правовой стратегии, пожалуй, главное, в чем безусловно нуждается наше общество, — это предсказуемость, научная обоснованность, политическая выверенность перспектив конституционного будущего...» (с. 347).

В этом контексте весьма точным представляется наблюдение проф. В.Д. Зорькина о том, что «сейчас мы видим со стороны Запада и его российских поклонников невиданные по размаху информационные фальсификации событий на Украине и их контекста. Мы видим, что официальные западные правовые интерпретации этих событий настойчиво и однозначно объявляют кругом виноватой Россию. Мы слышим, как крупные западные политики открыто заявляют, что России объявлена новая “холодная война”, цель которой — “майдан” в Москве и смена российской власти. Мы видим и читаем, как российские поклонники таких официальных западных интерпретаций, — кто осторожно “покусывая по мелочам”, кто открыто и развернуто, — со всем этим солидаризуются. <...> Для меня это означает, что сейчас Россия переживает очередное нашествие западных (и внутренних прозападных) “цивилизованных варваров”. Нашествие — пока — происходит в формах и механизмах постмодернистских информационных фальсификаций, неприкрыто наглых интерпретаций права и экономических санкций. Однако это нашествие по масштабу и намерениям вполне соразмерно

варварским нашествиям тевтонских рыцарей или армий Наполеона. <...> Нашествие “новых варваров” — объявлено. Наша задача, даже в этих условиях, изо всех сил защищать ПРАВО»¹⁸.

Особо отметим, что схожую тревогу за судьбы России и в то же время сдержанный, до глубины патриотический оптимизм мы видим и на страницах книги проф. Н.С. Бондаря; в частности, характеризуя проблему конкуренции конституционных ценностей, лежащих в основе современных процессов глобализации, ученый пишет: “Игнорирование мультикультурной природы современных правовых систем, их национальных и исторических особенностей может привести (и уже нередко приводит) в правоглобализационном процессе к политической, идеологической, правовой экспансии экономически, военно-политически господствующих стран и блоков, в основе чего — не сила права, а право силы и, соответственно, отказ от фундаментальных конституционных идей демократии и государственного суверенитета” (с. 259).

В продолжение своей мысли он ответственно резюмирует, что подобное положение дел “в одинаковой мере опасно как для внутригосударственного, так и для международного мироустройства, что с особой остротой проявилось в контексте глубокой коллизии между двумя общепризнанными и, соответственно, императивными принципами международного права — самоопределения народов и территориальной целостности государств. Политика двойных стандартов, когда на международном уровне (включая ООН, Евросоюз и т.п., не говоря уже об отдельных государствах) за одними народами признается правомерность борьбы за государственное самоопределение (например, Косово), а другие народы такого права лишаются, может привести к разрушению основополагающих принципов современного международного права и заложенных в них ценностей” (там же).

Нами всецело разделяется и решительно поддерживается позиция проф. Н.С. Бондаря. Полагаем необходимым в рассматриваемом аспекте (для сравнения с упомянутым в приведенной выше цитате Косово) высказать несколько соображений по вопросу о междуна-

родно-правовом признании вхождения Крыма в состав России.

Прежде всего особо заметим, что последовательность юридически значимых с точки зрения международного права шагов, принятых руководством и населением бывшей украинской Автономной Республики Крым по проведению общенародного референдума, по существу, означала провозглашение независимости Республики Крым, установление ее самостоятельной государственности. Дальнейшее вхождение Республики Крым и города Севастополя на правах субъектов в состав Российской Федерации осуществлялось уже на основе факта международного признания Россией независимости (т.е. государственного суверенитета) Республики Крым по итогам референдума. Иными словами, речь идет и может идти единственно лишь о вхождении в состав России самостоятельного иностранного государства, суверенитет (независимость) которого хотя и были установлены в результате одностороннего волеизъявления прежде несuverенной территории, но получили международно-правовое признание со стороны по меньшей мере того государства, в состав которого это суверенное иностранное государство затем и вошло.

На наш взгляд, какие бы ни предпринимались по-прежнему попытки в западной прессе и на высшем политическом уровне ряда государств преподнести общественности свершившиеся факты как аннексию Российской Федерацией части иностранного государства (Украины), история межгосударственных отношений имеет целый ряд аналогичных прецедентов, когда государственный суверенитет и независимость части территории определенного государства провозглашались на этой части территории в одностороннем порядке: автономный край Косово и Метохия в составе Сербии, республики Абхазия и Южная Осетия, Приднестровье и некоторые другие.

При этом, более подробно обращаясь к ситуации в Косово, особо подчеркнем, что его независимость от Сербии была провозглашена в одностороннем порядке не путем проведения общенародного референдума, а решением парламента Косово (легитимность его формирования, кстати, до сей поры вызывает вопросы), но, несмотря на данные обстоятельства, Международный Суд ООН 22 июля 2010 г. признал законность действий властей Косово по провозглашению независимости от Сербии и объявил,

¹⁸ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М., 2017. С. 309.

что свершившийся юридический факт не противоречит нормам международного права¹⁹.

Известно, что принятию Международным Судом ООН данного решения предшествовала череда признаний государствами — членами ООН международной правосубъектности Косово как самостоятельного государства, которая продолжилась и в дальнейшем. К настоящему времени независимость Косово в качестве самостоятельного государства признана 114 странами — членами ООН²⁰, что составляет большинство участников этой ведущей всемирной международной организации.

Возникает закономерный вопрос: почему при всей аналогичности ситуаций с провозглашением независимости ряда территорий (Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, а теперь еще Донецкой и Луганской народных республик на Украине) никто не торопится с признанием их международной правосубъектности в качестве государств, а случай с Республикой Крым вообще преподносится как аннексия или (ни много ни мало) российская оккупация²¹?

И почему в Косово, сомнительная независимость которого с такой поспешностью была признана очень многими государствами, по-прежнему сохраняется во многом непростая ситуация, готовая вылиться в новые этнические противостояния и партизанскую войну, а в “незаконно аннексированной” (или “оккупированной”?) Россией Республике Крым нет народных протестов, нет партизанской войны или иной вооруженной борьбы с “агрессором”, но работают люди, налажена деятельность предприятий, учреждений здравоохранения, образования и культуры, функционируют в штатном режиме все основные институты власти, а совсем недавно введено в эксплуатацию уникальное по мировым масштабам инженерное сооружение — Крымский мост, соединивший полуостров с материковой частью России?

¹⁹ Подробнее см., напр.: Международный Суд ООН признал независимость Косово // Официальный сайт “Коммерсант.ру” [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://kommersant.ru/doc/1473715>

²⁰ Сведения приводятся по состоянию на 1 июня 2018 г. на основе данных Официального сайта Министерства иностранных дел Республики Косово [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.mfa-ks.net/?page=2,224>

²¹ См., напр.: Закон № 1207-VII “Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины”, принятый Верховной Радой Украины 15 апреля 2014 г.

Это как раз тот случай, когда международное право, его сугубо юридическая рациональность и верховенство оказываются в очередной раз подавляемы внешней политикой ряда государств, чьим интересам не отвечает подобное развитие событий. Однако, как известно, подмена права политической целесообразностью недопустима (!).

К тому же, если говорить о Республике Крым, то необходимо помнить, что до 26 апреля 1954 г. Крым являлся исконной исторической территорией России, а его передача в состав Украинской ССР по решению руководства Советского Союза была осуществлена с грубейшим нарушением норм Договора об образовании Союза ССР от 1922 г., который помимо прочего закреплял право республик на свободный выход из состава СССР (чем предполагался договорный характер советской федерации) и потому подразумевал такой же договорный принцип решения территориальных вопросов между советскими республиками, входившими в СССР; юридическое оформление передачи Севастополя в состав Украинской ССР вообще не было осуществлено, несмотря на то что согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. город Севастополь был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр со статусом города республиканского подчинения²² в составе РСФСР.

Посему представляется совершенно верным юридический контекст выступления Президента РФ В.В. Путина на “Валдайском форуме” в октябре 2014 г.²³: приверженность России устоявшимся принципам, идеям и ценностям международного права — единственный рациональный путь не только развития национальной правовой системы, и прежде всего сферы конституционно-правового регулирования как непосредственной юридической основы российской государственности, но и вообще сохранения суверенной российской правовой традиции в современном мире.

²² То есть со статусом города федерального значения, если употреблять современную терминологию.

²³ См.: Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» по теме «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» (Россия, г. Сочи, 24 октября 2014 г.) // Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/news/46860>

Уверены, что данное утверждение не может не учитываться всякий раз, когда речь заходит о формировании правовой устойчивости в стране в сопряжении с необходимостью эволюционной модернизации российского конституционализма.

Вместо эпилога: Конституционный Суд России — хранитель и преобразователь философско-мировоззренческой парадигмы современного российского конституционализма

По нашему убеждению, спектр проблем политико-правовой модернизации в России по вполне понятным причинам не исчерпывается лишь вопросами о формировании прогрессивной философско-мировоззренческой парадигмы российского конституционализма и преодолении деформаций массового правосознания, а равно о правовой стабилизации, а в последующем — устойчивости российского общества и конституционно обусловленных процессах динамичного обновления национальной правовой системы в контексте происходящих внешних и внутренних, подчеркнем, тектонических сдвигах социокультурного, мироустройственного свойства.

С учетом характера исследуемого труда проф. Н.С. Бондаря можно говорить лишь о некоторых из ключевых аспектов такой модернизации, и они представляются нам приоритетными.

Полагаем весьма важным в заключение нашего краткого очерка заявить еще об одном крайне значимом моменте, который определяет и механизм, и суть протекающих модернизационных процессов в стране: *речь идет о роли конституционного правосудия, и прежде всего Конституционного Суда РФ, в решении соответствующих проблем.*

Миссия “главного” суда государства (без преувеличения) видится совершенно особенной: ведь именно Конституционный Суд — единственный, непосредственно предусмотренный Конституцией РФ орган конституционного контроля, наделенный исключительным правом толкования ее положений, разумеется, с учетом конкретно-исторического контекста.

Призываем взыскательного читателя всецело согласиться с мнением проф. В.Д. Зорькина: “Положение России как страны, расположенной в европейском и азиатском регионах, с многонациональным населением, переплетением культур и т.д., безусловно, осложняет трансформацию общественного сознания, у которого еще не сложилась ориентация на единые ценности в связи с различием культур, религий и традиций. В этих условиях процессы формирования идейно-политической общности российского народа, всеобщим источником которого является Конституция, упрочения демократического, правового государства и верховенства права идут долго и мучительно. Деятельность Конституционного Суда при таких обстоятельствах — это труд садовника, возвращающего конституционные принципы на конкретной национальной почве”²⁴.

Потому в свете всего изложенного выше считаем необходимым самым решительным образом поддержать ключевой вывод проф. Н.С. Бондаря о том, что место и “роль КС РФ в системе разделения властей, его основные функции и полномочия как судебного органа конституционного контроля определяются прежде всего тем обстоятельством, что КС — **хранитель Конституции**. <...> Вместе с тем это не означает, что КС является молчаливым стражем, охранником формально-юридических ценностей своей эпохи, неким консерватором древности. **Концепция судебного конституционализма как раз и призвана отразить живой характер не только Конституции, но и всей системы конституционализма, с одной стороны, и показать преобразовательно-динамические функции конституционного правосудия — с другой** (выделено мной. — Н.Д.)” (с. 262).

На наш взгляд, в этом суждении и вся логика политико-правовой модернизации современного российского конституционализма, и смысловой стержень монографии проф. Н.С. Бондаря “Судебный конституционализм: доктрина и практика”, которая в силу изложенных нами выше посильных размышлений, вне всякого сомнения, являет собой выдающийся(!) вклад в развитие отечественной конституционной юриспруденции и подтверждает высочайшую научную состоятельность автора.

²⁴ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. С. 63.

**PHILOSOPHICAL AND IDEOLOGICAL PATTERN
OF CONTEMPORARY RUSSIAN CONSTITUTIONALISM. AN ESSAY
ON THE POSSIBLE AND INDISPENSABLE IN THE COURSE
OF LEGAL UPGRADE OF RUSSIA — TO SUPPORT
THE MONOGRAPH: N.S. Bondar. JUDICIAL CONSTITUTIONALISM:
DOCTRINE AND PRACTICE. 2nd ed., rev.
Moscow: NORMA, INFRA-M, 2016. 528 p.**

© 2018 N. M. Dobrynin

*Tyumen scientific center of the Siberian branch of RAS of the Federal research center;
Institute of State and Law of Tyumen State University*

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Поступила в редакцию 06.06.2018 г.

The article is prepared as the author's reflection on the presented in 2016 2nd edition (revised) of the monograph "Judicial Constitutionalism: Doctrine and Practice" by Prof. N.S. Bondar, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation. Sharing the views expressed by the influential colleague, author highlights the key issues of the political and legal modernization of Russia and that the Constitutional Court is doing to support these transformations. Author notes the importance of forming of an adequate philosophical and ideological paradigm of the Russian constitutionalism, developing of constitutional legal consciousness and constitutional ideology, as well as reaching the legal stability of the Russian society. The general conclusion is that the presented monograph makes the remarkably significant contribution to the doctrinal and applied jurisprudence of the Russian constitutionalism, and it is undoubtedly useful for a wide audience of the interested readers.

Key words: Constitutional Court of Russia, constitutionalism, judicial constitutionalism, modernization, legal development, legal consciousness, globalization, sovereignty, law-execution practice, interpretation.